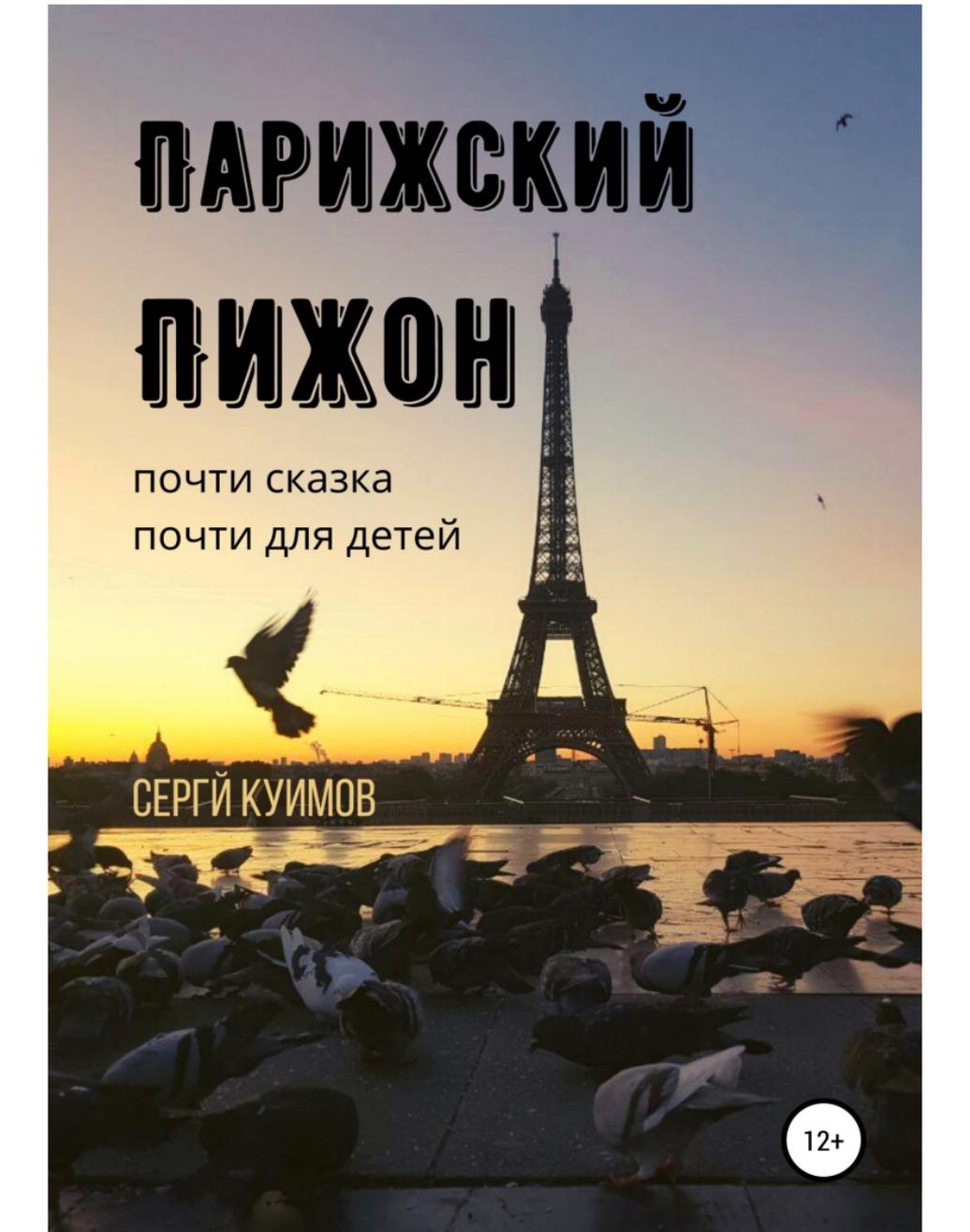

ПАРИЖСКИЙ

ПИЖОН

почти сказка
почти для детей

СЕРГЕЙ КУИМОВ

12+

Сергей Куимов

Парижский Пижон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56568201

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ написан в легкой юмористической форме. Игра слов уже в самом заголовке рассказа, ведь "пижон" в переводе с французского – это голубь.

Местные жители его звали Пижон *, а их дети всегда за ним бегали и старались его либо накормить, либо напугать. Он с детства не любил детей, так же как и не мог понять, что значит «пижон». Это имя, фамилия или прозвище? Поскольку, так звали всех его родственников и друзей.

«Но, лучше уж быть пижоном, чем петухом», – говорил он сам себе, а чтобы не запутаться в многочисленной родне, он давал им прозвища: Пучеглазый, Сизый, Серый, Беспалый...

Пижон знал, что и у него тоже есть прозвище. Он как-то услышал, как его кузен, за его спиной, называл его Кривоногим. С этим Пижон был не согласен. Он видел свои ноги и в отражениях витрин, и в лужах после дождя. Единственный момент, когда его ноги были не прямы, это когда по луже пошла волна от резкого порыва ветра, и его красивый, почти орлиный, профиль исказился вместе с его ногами. Да и было с чем сравнивать.

Один раз, Пижон, по каким-то делам, оказался в квартале Маре. Каких только петухов он там не встретил. И кстати сказать, у многих были кривые ноги. Так что на фоне петухов из Маре, у него были ноги фламинго.

– Пижон, мама Пижон!

Сердце ёкнуло от этого пронзительного крика. Очередной дьяволёнок с косичками выкрикивал его имя, тыкая в его сторону пальцем, похожим на дождевого червя.

– Плевать, – подумал Пижон. Сейчас ей было его не достать, он сидел на трёхметровом заборе, который окружал собор Парижской Богоматери.

Последние месяцы, он часто бывал здесь даже, наверное, чаще, чем года жил на чердаке в доме на улице де ля Коломб, что в квартале от собора. Он покинул это место в тот страшный вечер, когда на стенах своего жилища Пижон увидел солнечный свет, никогда сюда не попадавший ранее. Скорее не увидел, а подумал, что это солнечный свет, а на самом деле это был свет от пожара. Когда он осмелился выйти на крышу своего дома, то ужаснулся. К тому времени пламя охватило всю крышу собора и уже облизывало своими лепестками шпиль. После этого события площадь перед собором закрыли и туристы, которые часто подкармливали его багетом или булочками с изюмом, здесь уже не проявлялись.

Даже крысиная семья, жившая под кустом, у памятника Карлу Великому, и та покинула свой дом. Над ними тогда все смеялись: «Смотрите! Крысы бегут со сгоревшего корабля?» Но седой Рататой, которого уважали все жители острова Сите, сказал, что экологическая обстановка вокруг собора стала невыносима даже для крыс. И они переселились к своим родственникам, живущим на Рив Друат, в саду, у триумфальной арки Карузель.

Пиррофобия передалась Пижону от его отца, который получил её от деда, а дед от прадеда... Виною тому был пожар 1870 года, когда группа каких-то коммунаров подожгла парижскую ратушу. Пра-прапрадед Пижона тогда работал на почте при парижской мэрии, и жил он в том же здании под крышей. Если бы не сосед, который разбудил его семью, то там бы так все и остались.

Пижон покинул остров и, долго не раздумывая, отправился в сторону квартала Одеон на Рив Гош. Он не обернулся даже тогда, когда услышал за его спиной страшный грохот от упавшего шпиля, проломившего каменные своды собора, просто в его груди сильно кольнуло, и на душе стало неимоверно тяжело.

На улице Конде, не далеко от театра Одеон, жили его родственники. Здесь же, когда-то поселился и его пра-прапрадед по прозвищу Эклер (эклер – по.фр молния). Так в Париже родилось несколько десятков, а может быть и сотен поколений его предков.

– Же-сю-ан-вре! – часто говорил про себя Пижон (что по-французски значит – я настоящий).

– Жу-сю-ан-вре паризьен! – добавлял он после театральной паузы. Он не любил провинциальных выскочек, которые приземляясь в Париже, отнимали у него кусок багета.

Мужчины в их семье были потомственные почтальоны, а самым первым из них был тот самый – Эклер. Эклер вырос, точно Пижон это не помнил, но кажется, на ферме дворца Фонтенбло. Даже говорили, что одна его прапрабабка видела через открытую створку окна рождение отца тогдашнего короля Франции.

Вспомнив эту историю, Пижон хмыкнул и подумал: «Если все мои родственники Пижоны, то у них все были Людовики. И папа, и сын, и внук... Зачем давать одинаковые имена? Чтобы потом придумывать прозвища или давать инвентарные номера?»

Говорят, что дворец Фонтенбло – это самый королевский замок из всех замков Франции. Пижон гордился этим фактом. Ведь говорить, что их династия берет свои корни из королевского дворца, куда приятнее, чем всем втирать о том, что он с виноградников Пасси, как это делает один его знакомый. Пижон дважды бывал на Пасси, и никаких виноградников там быть не может. Одни дома, да заасфальтированные улицы. «Может его знакомый в подвале вырос, где сейчас находится музей вина, а папа его употреблял и придумал эту историю о виноградниках?» – размышлял про себя Пижон.

Эклер был самым рослым из своих сверстников и благодаря этому сразу попал на почтовую службу. Правда не к самому королю, а к его родственнику, принцу Конде, которой неделей ранее приобрел усадьбу недалеко от Люксембургского сада в Париже. Таким образом фонтенуа Эклер поселился практически в центре Парижа и стал парижанином.

Если же рассказывать всю правду, то его пра-прапрабабка по прозвищу Горлица, была из села. Эклер познакомился с ней во время одного важно задания, а ему доверяли только такие.

Был жаркий сентябрьский день, он решил попить воды и остановился у полуразрушенной башни замка Бри-Конт-Роберт. В тот момент, когда он пил большими глотками воду прямо из ведра, кем-то оставленным на колодце, он услышал щебетание молодых особ. Оторвавшись от ведра с водой, Эклер увидел четырех подружек, воркующих у плетёной изгороди, изредка бросающих взгляд в его сторону.

– Ой, что это у вас? – спросили у Эклера подружки, показывая на бумажный сверток, с которым он не расставался.

– Я на службе, мои дорогие незнакомки. А здесь остановился только для того, чтобы испить колодезной водицы. Если бы я знал, что здесь живут такие красавицы, то моя оста-

новка была бы не случайной, а запланированной.

– Меня зовут Молния, – представился Эклер и склонился в низком поклоне, подглядывая одним глазом за реакцией незнакомки, стоящей от него справа. Она была хороша, не тучна, но в меру упитана. Она стояла босыми ногами на сломе, благодаря чему, Эклер разглядел её каждый розовый пальчик и ноготок. Еще бабка говорила ему: «Выбирай жену по ногам. Здоровые ноги – ухоженный дом».

Я опушу рассказ о брачном танце Эклера и о том, что Горлица поехала бы за ним в Париж и без танцев. Стать парижанкой не было её мечтой, ведь она не могла даже себе позволить мечтать о Париже, а тут ее приглашает замуж почталъон самого принца Конде. Голубка же росла одна. О её родителях говорят, что они пошли на суп. Что такое «суп», она не знала, да и не желала знать. Если они не вернулись, значит «суп» – это что-то ужасное.

Пообещав забрать Горлицу с собой на обратном пути, Эклер, окрыленный любовью, помчался выполнять задание принца, но любовь закрыла пеленою ему глаза, и он путает адрес доставки послания.

Важность послания и то, что он перепутал адрес, Эклер понял, уже будучи в Париже с молодой женой. Одним днем,

Эклер влетел запыхавшийся домой и с порога объявил:

– Бежим, принца отлучили от королевского двора и ссылают в Шантийи. Я в деревню не поеду. Лучше в монастырь, чем комаров кормить в лесу.

Горлица тоже не собиралась возвращаться в деревню, но и жизнь в монастыре её не устраивала. Переговорив с соседкой, она узнала, что у архиепископа освободилось одно место и надо туда лететь прямо сейчас, чтобы показать свою кандидатуру. Так, благодаря почти случайному разговору, Эклер перешел на службу церкви и даже дважды побывал в Ватикане.

Вспоминая историю своего пра-прапрадеда, Пижон, не заметив для себя, добрался до театра Одеон и остановился на террасе ресторана Ла Медитеранне. Он не хотел стеснять родственников, тем более что родственники были дальние, а идти в общежитие Коломбье, которое было в Люксембургском саду, у него не было желания.

Пижон уже полгода жил один, несмотря на то что детей у него было больше, чем этажей на башне Монпарнас. Он, в отличие от своего прапрадеда Эклер, не был однолюбом. Пижон любил приголубить молодых пташек, толи случайно, толи специально залетевших в Париж.

Фигурита, так звали его последнюю любовь. Она была из Валенсии и оказалась в Париже случайно, так же случайно она встретила Пижона, и чисто случайно стала с ним жить. Он хорошо помнил их последний разговор, после которого Пижон покинул их семейное гнёздышко.

– Где тебя носит? Опять на Нотр-Дам пялился? – орала на него Фигурита, когда он пришел домой уже после заката.

– Ты домой только свои яйца приходишь греть! – продолжала она.

– Фигурита, но мы же семья и яйца, они наши, общие, – пытался как-то виновато ответить Пижон. У Фигуриты была красивая длинная шея, но в тот момент хотелось к ней не прижаться, а врезать по ней со всего отмаху.

– Если бы не ты, я бы сейчас по берегу Средиземного моря гуляла, – не унималась Фигурита.

– Да, ты что. А здесь тебе гулять негде? Или я запрещаю?

– Да, я здесь не гуляю вовсе, только за твоими яйцами ухаживаю.

– Во-первых, яйца наши общие, а вчера, когда я, по твоим словам, «грел мои яйца» на протяжении целых пяти часов, ты где была? Опять на террасе галереи Лафайет?

– Ну, да. Посидели поворковали с подружками.

– Пять часов? Я чуть тут от жажды не сдох!

– Да, лучше бы ты сдох, – выпалила Фигурита и только потом осознала то, что она сказала.

Больше Пижон её не видел.

Ресторанную террасу заливало солнечным светом. Пижон, прищурившись, смотрел на блондинку с телефоном в руках. Он наклонил голову, как когда-то сделал Эклер перед Горлицей, и продолжал наблюдать за блондинкой.

– Ксюшь, смотри какой прикольный голубь. Он, кажется, мне позирует, – сказала полушёпотом блондинка своей подруге на каком-то не понятном Пижону языке и начала его фотографировать. Он абсолютно не понял, что сказала блондинка, но ему очень понравилось, как она воркует. И главное, у блондинки были красивые, ухоженные ноги, обутые в сандалии с блестящими буквами LV.

А Пижон помнил, что сказала его пра-пра-прапрабабка его пра-прапрадеду.

Послесловие

* Pigeon [pi°jon] (фр.) – голубь. Русское значение произошло из характерной походки голубей во время брачного танца.

Обложка

Для подготовки обложки издания использована фотогра-

фия автора "Утро. Вид на Эйфелеву башню с эспланады Тро-
кадеро", октябрь 2019 г.